

А. Воронов-Оренбургский

АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА
«ЛЕТОПИСЬ РУССКОЙ СЛАВЫ»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Воронов-Оренбургский Андреевский флаг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50803159

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-07754-6

Аннотация

Первая четверть XVIII в. Северная война России и Швеции. Как удалось России разбить шведов – опытнейшего и опаснейшего противника – не только на суше, но и на море? В центре повествования – героическая судьба и любовь Григория Лунёва, капитана первого русского военного корабля «Виктория». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Андрей Воронов- Оренбургский Андреевский флаг

*Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужсала с гением Петра...
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, чует булат.*

*...То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*
А. С. Пушкин

Глава 1

О родовом имении Панчиных под Москвой был наслышан

весь свет столицы. За главой этого почтенного семейства – графом Иваном Евсеевичем Панчиным – издавна тянулся длинный и пышный хвостике всяких шутливых и невероятных историй, но более другого он был известен устройством своих «гастро-столов» и званых обедов.

Многие в тайниках души так рассуждали: служба государева не волк – в лес не убежит, а у славного Панчина пропустить тушеного чугуинского зайца! – это, брат ты мой, преступление...

– О-ох, и затейник он на сей счет господ! Зело, зело...

– Чертяка, черт его дери! Лучше Ивана Евсеича, вот крест, дорогие мои, никто на Москве не заворачивает ни телятины, ни рябчиков с брусникой, ни холодца с «тешинным» хреном, ни суточных щец с кашей. Уж право дело, краше застрелиться, нежели отказаться от его щедрот!..

Сам Иван Евсеевич, тертый калач, в гастрономических изысках уступавший разве царским ассамблеям¹ да еще десятку знатнейших фамилий на Москве, заслышав в свой адрес хвалебные оды, спешил накинуть на себя маску человека искушенного, якобы неприступного к лести и мало говорящего...

Он как-то значительно поджимал губы, выпирал живот, при этом не забывал улыбаться голым – по моде – лицом,

¹ Общественное собрание; собрание членов какого-либо государственного или международного учреждения, коллектива; в России при Петре I – бал, увеселительный вечер, пир или деловое собрание (*фр.*).

кому-то кивал и раскланивался... и все это было полно такого таинственного благородства, достоинства и значения. Ладно, мол, все хорошо до поры до времени! *Est modus in rebus*², так-с сказать. А ежели возьмете меня за бока всерьез, со всей своей похвальбой да признательностью, – честное слово, сами не рады будете! Глядишь, загордею в чванстве своем, и выйдет для всех несусветный конфуз... Перестанет граф Панчин закатывать столы с вином да заедками, что тогда?

Впрочем, попытка «шантажа» важных гостей подобным конфузом не шла дальше забавных штрихов к портрету: поджатых губ и дерганья бровями. Граф гордился и дорожил золотым списком своих именитых персон. Знающие люди с благоговением и завистью шептались: что-де под Рождество прощельгу и выскочку Панчина осчастливил своим заездом сам государь Петр Алексеевич со своей видной свитой. Были при царе и его верные учителя, прославленные в чудесных делах Петра под Азовом: генералы-победители Алексей Семенович Шеин, Патрикий Гордон, Франц Лефорт и Артамон Головин! В отряде последнего, при взятии турецкого Азова, были царские Потешные, уже сформированные к тому году³ и называвшиеся полками – Преображенским и Се-

² Всему есть предел (*лат.*).

³ Имеется в виду 1696 год – 19 июля турецкая крепость Азов, стесненная с моря и суши русскими войсками, принуждена была сдаться.

меновским⁴.

То-то, сказывают, было веселье! Иван Евсеевич превзошел сам себя: зная пристрастия пылкого молодого царя, его большую охоту до кораблей и фейерверков, – устроил шутихи на всю усадьбу, да так лихо, что едва не спалил собственный особняк со всеми домочадцами! Однако государь был растроган и доволен заботами и устройствами графа. Петр сверкал очами, хлопал по плечу хозяина и, поднимая пенный кубок, говорил: «Ей-Бо, удружил, Иван Евсеич! Удружил, чаровник! Не забуду...»

А потом по просьбе гостей царь послал гонца за своими музыкантами, и хотя он был не большой почитатель до музыки – дудок и скрипок, но в тот вечер выдавал коленца будь здоров и плясал «камаринскую»⁵ с душой, вместе со всеми. И диковинно, и весело было видеть, как государь, будучи высотой как пожарная каланча, то целовал, то щипал семерых расфуфыренных в пух и прах уродцев своей «музыкантской» свиты; а потом вдруг на радостях поднял за голову вверх одну карлицу – Аргиопу – и подбросил чуть не до потолка... ловко поймав ее, визжащую благим матом, на руки,

⁴ Два первых, легендарных полка русской гвардии. Сформированы Петром I в 1687 г. (наименование получили от двух сел под Москвой: Преображенское и Семеновское). При Петре I эти полки готовили офицерские кадры. В XVIII веке оба полка состояли преимущественно из дворян; являлись главной силой в дворцовых переворотах (в 1740, 1741, 1762 гг.).

⁵ Русская старинная плясовая песня живого, задорного, шутовского характера. Известна во множестве вокальных и инструментальных вариантов.

чем немало потешил хмельных гостей и до смерти перепугал несчастную, у которой после сего «кульбита» непоправимо испортился головной убор, увенчанный двухмачтовой бригантиной из парчи и атласа с раздутыми парусами.

Однако Петр Алексеевич и в ус не дул на все причитания Аргиопы; подмигнул ей котом, вместе с другими сотрясая раскатистым смехом стены; а чуть погодя, дергая пунцовой щекой, приказал ливрейному холопу Степке поднести «греческой царевне» полную чарку вина и выпить за его здоровье и русский флот. Что силком и было проделано под клики восторга и гром аплодисментов.

* * *

– О-о-осип! Черт тебя носит! Где ты, бес тебя возьми?! – Иван Евсеевич залпом опрокинул рюмку смородиновой наливки; душевно крякнул, утер платком серебряные усы и тут же наполнил из пузатого графинчика новую.

– Я-у! – В белых с позолотой дверях покоев графа появился дворецкий.

– Следует сразу как штык возникать, Осип, когда тебя барин кличет.

– Я-с тут. – Осип пригнул виновато голову.

– Ты, право, остолоп, Осип. Ну-т, чего рожу свою козлину

воротить? Небось, пьян, каналья? Экий ты голиаф⁶ водку жрать!

– Никак невозможно-с, ваше сиятельство. Мы-с меру знаем. Мы-с в ожидании ваших распоряжении.

– Кто это «мы-с»? – Граф вновь, не церемонясь, опрокинул рюмку. – Уж не себя ли ты, шельма, называешь «мы»?

– Никак нет-с, государь мой. – Дворецкий шибче прогнулся в поясе. – «Мы-с» – это вся ваша, стало быть, челядь. Чаво изволите, барин?

– Шампанское завезли для чествования голландского жанру?

– Так ить... еще за три дня-с как... до великого торжества, стало быть, идут приготовления. Все под дозором, ба-тюшка. Артельщики из Москвы, с Сусанинских складов доставили даве горы всякой всячины. Тимоха и Федька Кочан в разделке телятину со свиной рубють... и поварские все при делах... Вся, так сказать, каруатида под ружье... гы-гы-ы!.. поставлена...

– Дурак! Причем тут кариатида? Ты хоть знаешь, что это? Ни ухом, ни рылом, тьфу, благословенное семейство! Вот тебе и «гы-гы-ы», – передразнил граф. – Слышал звон, да не знаешь, где он, бестолочь... Я не о том тебя спрашиваю. Шампанское завезли?

⁶ По библейскому преданию, Голиаф – великан-филистимлянин, вступивший в смертельное единоборство с Давидом, будущим царем Иудеи, и убитый им из пращи; *здесь*: гигант, великан.

– А то! Не сумлевайтесь, батюшка, три по три дюжины коробов, как приказали, стал быть, понимаешь...

– Да я-то понимаю, Осип. Ладно, сгинь, нечистый. Развели тут! Да гляди в оба! У-ух! Все волоса лично повыдергаю, ежли что... У вас сутки на все про все!

Дворецкий, кланяясь и поправляя полу расшитой серебряными галунами ливреи, исчез. А отставной полковник Панчин, с досадой посмотрев на молчаливый графин, ухватил его за журавлиное горло и щедро плеснул себе с верхом третью рюмку. Мрачно глядя на черную, с огненной зарницей, наливку, граф взбугрил желваки под кожей:

– Спаси Господи!.. Только б войны со шведом не было.

* * *

...А «за окном», как выражался отставной полковник Панчин, и впрямь день ото дня сгущались черные тучи. Россия новая, молодая – петровская Россия – стояла на рубеже великих испытаний и крови...

Прекрасная мысль сделать Россию похожую на просвещенные государства европейские светлела в гениальном уме Петра еще в то время, когда он с детской радостью смотрел на первое военное учение своих Потешных. Она крепче заблестала потом с веяньем парусов, в первый раз развившихся на его новом флоте; она ярче возгорелась наконец в

ту минуту, когда знаменитый Азов⁷ упал к ногам своих победителей! С тех пор она была уже не мечтательною мыслью пылкого ребенка, но постоянным предметом размышлений человека совершенного, единственную целью его надежд, желаний, действий! И потому восторг молодого, двадцативосьмилетнего Петра был невыразим при взятии турецкого Азова. Владение этим городом-крепостью открывало подданным его новое – Черное море, кое соединяется проливом с Азовским; а Петр почитал мореплавание лучшим средством к просвещению народов. И подлинно, не через моря ли и корабли самые отдаленные государства могут сообщаться и передавать друг другу свои познания и культуру? Подле владений Петра было еще одно море – Белое. Но и

⁷ «Крепость Азов и ныне существует еще на берегу реки Дона, в 30 верстах от Азовского моря. Но в ней едва приметны теперь следы знаменитого города Азова, который известен был еще в XI веке. Тогда он принадлежал половцам (кипчакам), часто побеждаемым нашими предками. В XIII в. им завладели генуэзцы и назвали его Тана, потому что до нашествия половцев на месте Азова был знаменитый город Танаис, построенный греками около Рождества Христова. Надо полагать, что этот же самый Танаис половцы называли Азовом, потому что Азуф было имя одного из вождей их. Танаис, Тана или Азов славился своей торговлею, богатством, ремесленниками, но генуэзцы недолго владели им: в 1392 г. он был отнят у них ханом Темур-Аксаком. Судьба Азова-города была чрезвычайно непостоянна: в 1453 г. завоевал его от крымских татар турецкий султан Магомет II; в 1639-м четыре тысячи донских казаков отняли его у турок, которые после двух походов, стоивших им очень дорого, снова возвратили несчастный город под власть свою и тогда уже обратили его в сильную крепость.... Вот эту-то крепость надо было отнять у Турции для безопасности наших южных границ. Что 19 июля 1696 года блестяще удалось Петру и его войску» // *Ишимова А. О. История России.*

оно, увы, представляло так же мало выгод, как и Черное. По причине близости своей к ледовитым водам оно каждый год столь долго покрыто непроходимыми торосами, что немного оставалось теплого времени для прихода кораблей. Где ж было искать самой близкой дороги к образованным царствам Европы? С этим вопросом дальние взоры Петра Петра остановились на море Балтийском. «Эх, как славно да хорошо было бы для России моей, – думал он, – иметь на сем гордом море гавань, куда бы способны были приходить иностранные корабли! Как близко оно и к Германии, и к Дании, и к Голландии, и к Англии – царице морей!»

...Однако берега Балтийского моря и заливы Финский и Рижский, все фиорды⁸ тех мест, где удобнее всего возможно было заложить обширную гавань, в те времена России не принадлежали: царь Михаил Федорович⁹ принужден был по Столбовскому миру¹⁰ отдать Ингерманландию и Ка-

⁸ Фиорд – узкий и сильно вытянутый (на десятки километров) в длину, глубокий, часто разветвленный морской залив с крутыми и высокими (до 1000–1300 м) берегами; фиорды характерны для Скандинавии.

⁹ Михаил Федорович Романов (1596–1645) – первый русский царь из династии Романовых; избран на престол Земским собором 21 февраля 1613 г. после освобождения Москвы от польских интервентов. Ведущую роль в его избрании сыграли дворяне и представители городов. Будучи болезненным, хворым, слабобольным человеком, Михаил Федорович мало участвовал в государственном управлении: всеми делами ведали его родственники (с 1619 г. – вернувшийся из польского плена отец Михаила Федорович – патриарх Филарет).

¹⁰ Мирный договор между Россией и Швецией, заключенный в 1617 г. в селе Столбово близ г. Тихвина.

релию шведам, которым принадлежала также и Лифляндия. Но шведы храбры и стойки – трудная задача отнять у них заветные земли! Ан Петр не был бы Петром Великим! – не убоился он трудностей, чувствуя сердцем и душой справедливость своего требования и понимая всю пользу, все величие прекрасной цели своей: на берегах Балтийского моря Россия будет иметь порт, который соединит судьбу ее с судьбой Европы и передаст переимчивым обитателям ее все науки и искусства другой части света.

Однако Петр, хотя и без остатку преданный этой мысли, возжелал прежде собственными глазами и во всех подробностях узреть то просвещение, об оном он так много слышался и начитался. В архиважном деле – преобразовании целого царства! – он не мог поступить легкомысленно, переменив необдуманно нравы и обычаи своего народа; шатко и безрассудно полагаться лишь на одни слова иностранцев, хотя многие из них заслуживали всей доверенности, потому что первое место между ними занимают его учителя-наставники – Лефорт¹¹ и Тиммерман¹², уже так много раз доказавшие верность и привязанность свою к России. Нет! Он

¹¹ Лефорт Франц Яковлевич (1656–1699) – русский военный деятель. Приехал в Россию из Женевы (Швейцария) в 1675 г. Активно участвовал в создании регулярной армии и флота. Командовал флотом во втором Азовском походе (1696 г.). После взятия Азова был назначен Петром I адмиралом. В 1697–1698 являлся одним из руководителей Великого посольства. До конца дней своих был предан и близок к Петру I.

¹² Тиммерман

увидит все сам; он собственным суждением оценит все про и contra¹³ и уж тогда собственными руками перенесет их в родное Отечество. Для счастья подданных своих он не пожалеет ничего, он подвергнется не только всяким трудам, но и опасностям!.. И он решился – то было началом славных дел!

* * *

«...За спиной молодого царя остались: Митава, Кенигсберг, Берлин, Ганновер... В городах немецких, особенно в Берлине, он внимчиво занимался военным искусством; там было много взято ценного и толкового, современного. Что говорить, коли уж в четырнадцать лет юный Петр показал боярам изъяны прежнего “Ратного устава”, где крайне возмущен был излишними словами в команде. “Внимайте, – рубил с плеча горячий юноша окружавшим его насупленным бородачам, – способно ли офицеру скоро скомандовать все сие: «Подыми мушкет ко рту, содми с полки, возьми пороховой зарядец, опусти мушкет долу, посыпь порох на полку, поколоти немного о мушкет, закрой полку, стряхни, содми, положи пульку в мушкет, заложи пыж на пульку; вынь забойник, добей свинец и пыж до пороху, приложися, целься, стреляй!»?! Ан не лучше, – продолжал Петр, – вместо всего этого: «Слушай! Заряди мушкет! Целься! Огонь!»?» Что тут

¹³ «За» и «против» (лат.).

было! Поднялся сыр-бор! – бояре с пеной у рта защищали дедовский устав; не верили, чтобы можно было здраво понять и исполнить это “кущее” приказание, но когда Петр отчеканил при них команду и солдаты так же исправно все сделали, как и прежде, упрямые приверженцы старины прикусили языки и вынуждены были согласиться с юным Петром.

...За Берлином и Ганновером показались флюгеры и черепичные крыши голландского городка Саандама. Здесь Петр, думая исключительно о пользе подданных своих, забыв совершенно величие царя, в одежде простого плотника учился любимой науке своей – кораблестроению!

Затем был Амстердам – и там тоже напряженный труд: ни дня без цели! В славном городе сем работа его не ограничивалась корабельной верфью: почти все ремесленники и фабриканты города видели Петра в своих мастерских, едва ли не все ученые и артисты давали ему уроки в любимых науках его. Из последних история называет математиков Дама и Гартцоккера, корабельных мастеров Вейсслера, Кардинала, Реенена, Петра Поля и корабельного рисовальщика Адама Сило.

И, право, непостижима была для современников неутомимость этого гения! Они едва верили глазам своим, видев русского царя в один день и за станком ткача, и с циркулем математика, и с молотом кузнеца, и с листом самой тонкой бумаги, собственными руками выделанной им на бумажной фабрике! Быстрый, цепкий ум Петра с легкостью схватывал

и вбирал все важное, ценное, первостепенное. Переимчивый Peter Baas¹⁴, мастер всех художеств и искусств, являлся со своей свитой¹⁵ почти в то же самое время в университетах и академиях, где слушал лекции лучших профессоров, на площадях и рынках, где покупал припасы для своей скромной трапезы, и, наконец, в тесной кухне, где порою в отсутствие

¹⁴ «Сначала никто не знал, кто был русский плотник Петр Михайлов, приехавший на шлюпке из Амстердама и нанявшийся работать на верфи Саандамской. Все удивились хорошей работе приезжего, и не прошло недели, как уже называли его за это мастером, Баас (Peter Baas). Трудно вообразить, как это прозвание обрадовало Петра! Он так восхищался, что, казалось, простое имя мастера, полученное им по заслугам, было для него выше его царского достоинства, принадлежавшего ему по рождению. Называться «баасом» было для него тем приятнее, что добрые жители саандамские никак не воображали, кого они величали так. Но тайна не могла существовать долго: Саандам был неподалеку от Амстердама, где находилось русское посольство, и к концу недели все заговорили, что Peter Baas – есть великий государь России!» (*Ишимова А. О. История России.*

¹⁵ «Поручив внутреннее управление столицы и всего государства одному из достойнейших вельмож того времени, князю Федору Юрьевичу Ромодановскому, Петр I выехал из Москвы со всем посольством 7 марта 1697 года. Первым послом был наместник новгородский, генерал-адмирал Лефорт; вторым – сибирский наместник Федор Алексеевич Головин; третий – думный дьяк Возницын. Сам же царь назвался просто дворянским десятником Петром Михайловым. Свита посольства была многочисленна. Кроме всех чиновников, в ней было еще двадцать пять молодых людей из знатных фамилий, назначенных в это путешествие для усовершенствования себя в науках. Между ними отличался не породою, но редкими способностями и умом – Александр Меншиков. Это был любимец царский. Ловкость и проворство его пришлись по душе пронизательному государю, и он взял Меншикова к себе сначала камердинером, а потом записал Алексашку (так Петр называл Меншикова) в Потешную роту. Впоследствии Алексашка добился многого: стал знаменитым полководцем и министром государя императора Петра Великого» // *Ишимова А. О. История России.*

кухарки сам был за “стряпуху” и готовил обед! Казалось, это был дух, везде носившийся, или чародей, для чудесной силы которого не было ничего невозможного, ничего слишком великого или слишком малого»¹⁶.

«Покончив» с Голландией (где он провел несколько месяцев!), объездив в ней всё и вся, напившись знаниями, как губка водой, Петр в январе 1698 года стремительно отправляется в страну еще более примечательную своим просвещением – в Англию. Здесь тот же «убойный» ритм жизни, то же удивление народа к «чудесному», «неотразимому» царю отдаленной, «варварской» России, которую образованные европейцы привыкли считать непременно страной «полудикою»!

В Англии это удивление было еще заметнее: англичане, начиная с короля Вильгельма III и до последнего работника в Адмиралтействе, помогавшего «плотнику Петру» носить бревна и строгать до кровавых мозолей корабельные доски, – все выказывали к знаменитому гостю не только уважение, но даже глубокое, трепетное благоговение. Английский король, часто дружески посещавший русского царя, старался угадать его малейшие желания; купцы, художники, фабриканты, офицеры британского флота восхищались, если хоть чем-то могли быть полезными для него, и многие из них охотно следовали примеру голландцев, немцев и соглашались вступать в службу того, кого Европа почитала непости-

¹⁶ Ишимова А. О. История России.

жимым гением своего века.

Петр, со своей стороны, точно так же восхищался англичанами и всем, что видел в Англии. Часто проводя целые дни в лондонском Адмиралтействе, он говорил своим новым друзьям – адмиралам Кармартэну и Митчеллу: «Без Англии я был бы худой мастер!» А когда эти адмиралы вздумали однажды показать морские маневры, то Петр был так восхищен совершенством британского флота, что от души воскликнул: «Если бы я не был царем в России, то желал бы быть адмиралом в Англии!»

...Возвращаясь в апреле в Голландию, царь был в большой опасности: дикая буря задержала его в море на четыре дня. С ужасом глядя на гремящие стены волн, бросавшие во все стороны царскую яхту, свита Петра уже была на грани отчаянья, но герой, не боявшийся никаких опасностей, сохранил присутствие духа и, ободряя испуганных улыбкой, шутливо бросил: «К черту страх! Что приуныли? Слыханное ли это дело, чтобы царь русский да утонул в немецком море?!»

...Из Голландии Петр намерен был колесить в Италию через Вену. В этом городе ему надобно было переговорить с императором Леопольдом о турках, с которыми русские все еще вели удачную войну, между тем как обескровленные австрийцы желали мира.

Дружеское расположение императора Леопольда к Петру было заметно во все время переговоров их о делах турецких, и, соглашаясь на мир с султаном, он желал того же, что и

Петр: чтобы все места, завоеванные русскими, остались в их владении. Заручившись крепкой надеждой на этот мир, Петр со спокойной душой думал о своем скором путешествии в Италию. Уже все распоряжения к отъезду посольства были сделаны, как вдруг – беда! Гонец от князя Ромодановского привез известие о новом ужасном бунте стрельцов! Ромодановский, которого Петр оставил в Москве на своем месте, коего называл князем-кесарем, вице-царем и даже царским величеством, писал донесение свое в столь отчаянном состоянии духа, что государь ясно узрел смертельную опасность, угрожающую его престолу. Забыв о прославленных красотах древней Италии, он срочно устремился в Отечество.

* * *

...Причины нового и последнего бунта стрельцов были все те же: непримиримость к новым порядкам в войсках; предпочтение государя к полкам, образованным по европейскому образцу, и суеверный страх, что царь Петр, возвратясь из чужих краев, начнет коренное преобразование армии, которое они ненавидели всей душой.

Ненависть эта глубоко уходила корнями в почву раскола¹⁷: большинство было убеждено в мысли, что просвеще-

¹⁷ Раскол (старообрядчество) – религиозно-общественное движение в России против официальной церкви. Возникло в середине XVII века в связи с реформой церковной обрядности (замена земных поклонов поясными, двоеперстия –

ние опасно и вредит благочестию и что люди, занимающиеся учением, забывают о Боге.

Почти все начальники стрельцов, преданные царевне Софье, старались в своих полках уверить своих «молодцов», что Петр «есть зло от дьявола» и с ним следует немедленно покончить. Такими уверениями и впрямь немудрено было внушить стрельцам самые отчаянные намерения. Сознание, что не только царевна Софья (сестра Петра), но даже и супруга государя – царица Евдокия Федоровна, так же, как и стрельцы, ненавидевшая новые обычаи и просвещение, – была все-

троеперстием и пр.) и исправлением ошибок в богослужебных книгах. Установление единообразного церковного культа соответствовало задачам усиления политической централизации в России, так как феодальное государство нуждалось в укреплении государственной церкви. Церковные реформы, начатые патриархом Никоном в 1653 г., встретили сопротивление со стороны части духовенства, фанатически отстаивавшего русскую «старую веру» и выступившего против греческой веры. Никон при поддержке правительства жестоко расправился с раскольниками. Крупнейшие идеологи раскола (протопоп Аввакум, дьякон Федор, Лазарь, Епифаний) в 50–60-х годах были сосланы, а позже (14 апреля 1682 г.) сожжены в Пустозерске. Но репрессии лишь увеличили число раскольников. Реформа скоро потеряла значение узко церковного мероприятия. Борьба за «старую веру» отражала различные по характеру социальные и политические чаяния разных слоев населения. Реакционно настроены были представители высшей знати (боярыня Морозова, Урусова, князя Хованский, Мышецкий и многие другие). Ярыми сторонниками раскола выступили и стрелецкие полки, борющиеся за строгое сохранение своих сословных привилегий. Поддержка раскола посадским населением и крестьянами отражала их протест против гнета феодального государства, освящавшегося официальной церковью. Под знаменем раскола во второй половине XVII в. произошел ряд крупных выступлений против государственной власти; наиболее значительным из них было Соловецкое восстание 1668–1676 гг.

цело на их стороне, еще более подкрепило дерзость бунтовщиков. Они положили сделать Софью правительницею государства до совершеннолетия царевича Алексея (восьмилетнего сына Петра) и выкорчевать все новшества, введенные Петром в правление, войско, а также европейские нравы.

...С такими намерениями стрелецкие полки, расположенные по разным городам, хлынули к Москве, чтобы соединиться там со своими главными вожаками-зачинщиками, но храбрость и присутствие духа генералов Шеина и Гордона спасли столицу и усмирили бунтовщиков накануне возвращения государя.

* * *

Гнев и ярость Петра были ужасны! Следствие – пыточные дознания о преступлениях изменников – началось уже при нем; вскрываемые подробности, «зерна бунта» были столь вероломны, коварны и дики, что государь, сорвав все маски благопристойности, христианской милости, показал заговорщикам свой львиный оскал.

Раскаленные на огне щипцы и крючья, испанские сапоги, дыба и колесование¹⁸ – все было пущено в ход!.. Виновные

¹⁸ Испанский сапог – пыточное устройство, в тисках которого ломали кости ног; дыба – средневековое орудие пытки, на котором растягивали тело обвиняемого; колесование в старину значило мучительную смертную казнь на вращающемся колесе особого устройства.

были наказаны с беспощадной суровостью, равно как заслуживали их намерения. В бешенстве на преступников (столь хладнокровно сговорившихся убить его – помазанника Божьего, и предать огню и анафеме¹⁹ все драгоценные плоды его тяжких трудов и беспрестанных пожертвований), Петр жаждал покарать смертью всех до единого из ненавистных стрельцов... Однако достойный наставник и друг его Лефорт образумил и склонил к милосердию опаленное сердце Великого, и казнены были только самые отъявленные... Но и их было сполна, как блох на собаке... Петр лично руководил казнью. В грозном взоре его сверкали молнии, ноздри дрожали, как на пружине дергалась пунцовая щека: кровь стрелецкая текла рекой! «Остальные стрельцы были разосланы по разным городам Руси, записаны в иные полки, и таким образом имя стрельцов – громкое и грозное сначала, бесславное впоследствии, сохранялось еще около двух-трех лет в четырех полках, оставшихся верными государю, но позже, получив иные названья и новое устройство, исчезли навечно в нашем Отечестве.

Что ж касается царицы Евдокии Федоровны, найденной по следствию виновной в умышлении на жизнь мужа, Петр не желал более называть “змею подколенную” своей супругою; царица была навечно сослана в суздальский Покровский монастырь, пострижена в монахини, и звалась она от-

¹⁹ Анафема – отлучение от церкви, проклятие (*греч.*); предать анафеме – подвергнуть осуждению, клятвенно заклеить.

Показательная казнь была лишь первым шагом на пути решительных преобразований молодого царя. После кровавых ужасов враги Петра затихли, прижали хвосты: страшно было противиться его безрассудному гневу, губительно было не исполнять его повелений. А Петр, опираясь на этот страх, как на меч, начал вершить разные перемены и улучшения в «ветхозаветных» учреждениях; взялся вводить новый порядок железной рукой, да не только в части устройства государства Российского, но даже в нравах и обычаях своего народа.

...Лес рубят – щепки летят. В лихорадке «дел дерзких, невиданных» допущено было немало оплошностей страшных, но многократно больше сделано было достойного, верного, славного – столь судьбоносного и необходимого для новой России. Зная не понаслышке, как много «наружность вещей» имеет влияния на людей дремучих и темных, «загрубевших в болванстве своем», Петр прежде всего обратил свое внимание на «наружный фасад».

«Предки наши в привычках, обыкновениях и даже одежде своей имели изрядно сходства с соседями-азиатами: зо-

²⁰ Ишимова А. О. История России.

лотые кафтаны, богатые шубы, собольи, медвежьи да куньи шапки, длинные бороды до пупа делали их похожими на персов, турок и татар, разделяя глубокой и резкой межою с соседями-европейцами. От ликвидации этой “межи” зависело очень многое: в одежде человека цивилизованного, казалось, легче и проще было приступить к образованию и культуре! К тому же была еще причина, по коей европейское платье стало необходимо для русских: они так ненавидели иностранцев, что эти несчастные люди, с такими препонами выписываемые Петром из “чужедальних краев”, порою подвергались опасности, выходя на улицу в своих нарядах и платьях»²¹.

...И вот, вскоре после казни стрельцов был объявлен царский указ: дворяне, бояре и все военные люди обязаны бороды брить и носить новое платье, оное походило на платье голландцев, французов и немцев. Ох, сколько шуму, тревоги и страху наделал этот указ! Сколько горячечных чувств произвел он в сердцах жителей патриархальной Московии!

Иностранцы, понятно, согрелись душой: вспыхнула в их сердцах надежда, что можно будет теперь избегать гнева народного в толпе русских, одетых одинаково с ними; зато русские были по первым годам едва ли не в отчаянии от сего указа. Угроза и гибель грозила их бородам и одеждам! Рушилось мироздание! Забвению и поруганию предавался уклад их благословенных отцов и дедов!

²¹ *Ишимова А. О. История России.*

– Гибель!

– Закат России пришел, православные!

– Видано ли? Россию-матушку в панталоны и букли одеть басурманские!

– Край наш настал, братья! Уж дале некуда потешаться над Русью!

...Верно и то: многие набожные люди искренне полагали, что сбрить бороду – значит опорочить образ Божий, и многие готовы были последнее отдать, лишь бы только сохранить эту драгоценность!

Но Петр был неумолим, тверд как камень. Точно проравшая плотину вешняя вода, хлынули из Кремля приказы государя.

И вот уж лихо и зло защелкали, залязгали ножницы исправников царских. Петр в горячке дел своих сам был примером во всем. Лично срывал с плеч долгополые кафтаны и лисьи шубы, резал бороды и клещами день за днем искоренял дикость и варварство на Руси. Прямо на улицах, у хозяйских ворот отхватывались дремучие бороды, обрезались полы кафтанов у упрямецев; с тех, кто «медведем в берлоге» решил отсидеться в родовых теремах, не желая расстаться со своим сокровищем – бородой, взимались оглашенные штрафы... и вскоре плакали бороды... приказали долго жить дедовские кафтаны...

Дальше – больше: аппетит приходит во время еды, а аппетиты Петра воистину были великими! И вот на головы

вельмож, оторопевших от града ударов судьбы, обрушился новый указ. По царскому повелению он был нацелен в самое сердце, в святая святых Домостроя старой Руси. «Какую жизнь вели прежде русские женщины? То была наискушнейшая жизнь. Не смея никуда показаться без покрывала, они проводили все свое время, как затворницы монастырские, и не имели своей воли даже и в самом важном деле жизни – в своем замужестве. Их отдавали за того человека, которого выбирали родители, без всякого согласия со стороны невесты и даже прежде, нежели молодые могли друг друга узреть. После этого можно судить о счастье этой четы, еще не знакомой между собою, но уже навек соединенной! В этом “пасьянсе двух сердец” женщина была еще более достойна жалости, нежели мужчина. Последний хоть мог забыть неудачный выбор своих родителей в шуме света и общества; он мог заниматься службою, охотою, живыми беседами в кругу умных людей... Но женщина дело другое; она – та же невольница в доме мужа, как прежде в доме отца; лишь перешла из своей светелки-темницы девичьей в глухие покои супруга, где развлеченье все: вышивка да кот с клубками; здесь не было даже того развлеченья, которое доставляет хозяйство: негоже было в старину боярыне русской заниматься “трудом”, да и не приучены они к сему были с младых ногтей»²². Оно и понятно: во всяком доме, где водился достаток, были и ключница, и казначея, и несколько кухарок с прислугою. Вот и

²² Ишимова А. О. История России.

томились они, прели в тоске да безделье. Хозяйкам оставалось только потчевать за каждым обедом по десять блюд да «пуды телес» набирать, сидя на пуховых софах своих; мять и тискать котов-баюнов да скучать нестерпимо в тоске и лени!

...Такая участь женщин не могла не задеть внимания деятельного Петра. Он всегда думал, что общество премного теряло от затворничества женщин, а побывав в чужих краях и собственными глазами увидев, сколько счастья и радости может просвещенная женщина пролить на семейство свое и сколько пользы принесет обществу ее присутствие в нем!.. Словом, взялся Петр наводить порядки и на сем поприще. Решительно приступил он к исполнению своего намерения и строго-настрого приказал, чтобы ни один священник не венчал никакой пары без собственного согласия ее; чтобы каждый жених и невеста непременно знали друг друга по крайней мере около шести недель до свадьбы, а чтобы доставить им случай «быти знакомыми», приказал мужьям и отцам «приезжати на все праздники при дворе, во все публичные собрания» и на все обеды вместе со своими женами и дочерьми, одетыми так, как иностранки!

Громом среди ясного неба прогрохотала эта весть по всей Москве! Бояре дивились, задыхались от злобы и гнева: «Не царь-государь, а шут гороховый! Грех и позор на весь свет! Да и нас, столбовых дворян, курам на смех выставить хочет, злец! Так нет же! Не быть по сему! Содом и Гоморра!²³».

²³ Крайний беспорядок и распущенность, разврат, царящие где-либо. Содом и

...Зато екнули, задрожали сердца от неслыханной прежде новости у молодых барынь... А уж как веселилась и звенела в предвкушении знакомств кровь в жилах у незамужних девиц!.. Радовались они новому закону, как средству освободиться от скучной неволи да каторги; старые сожалели, что не родились позже на несколько десятков лет: «Эх, кабы нынче быть молодимицами! Пользоваться новым правом, оным веселый да просвещенный государь наш с ума ли, с дурасти... одарил бабье царство».

Много, безмерно много делалось Петром Великим во внутренней и внешней политике молодой России. И вот очередной итог: с началом 1700 года сделан новый важный шаг к совершенному слиянию России с Европой. «Предки наши до сего времени праздновали начало года не с 1 января, как делают все христиане, но с 1 сентября. Разумеется, эти четыре месяца разницы причиняли большие беспорядки в сношениях русских с европейцами, и вот Петр 19 декабря 1699 года объявил народу, что-де это темное, родимое пятно на теле России он убирает... и с 1 января начнется Новый год!»

Приверженцы старины подняли было опять бучу против сей важной новости, но громкий шум праздников и торжественное моление по всем церквам в самую минуту начала его заглушили все возмущенные голоса староверов-расколь-

Гоморра – названия городов древней Палестины, которые, по библейскому преданию, были уничтожены землетрясением и огненным дождем за развратные грехи жителей.

НИКОВ.

...Наступивший 1700-й год памятен был для русских заключенным 3 июля тридцатилетним выгодным миром с Турцией, однако черная весть с запада омрачила народные гулянья.

Глава 2

Карл XII, король Швеции, объявил России войну. Война эта, впрочем, была ожидаема, важна для России и имела столь сильное влияние на судьбу ее, что трудно переоценить ее значение. В отечественной истории ее окрестили Северной войной, потому как в ней участвовали не только Россия и Швеция, но и другие северные государства.

Шведы издавна, со времен варягов²⁴ слыли народом лихим и воинственным. Они часто отнимали земли у своих соседей. Так, штыком и кровью, им достались Ингерманландия и Карелия, Лифляндия и Эстляндия. Россия, понятное дело, желала вернуть под свою законную власть две первые, Польша – последние. В это тревожное время поляки избрали своим королем саксонского курфюрста Августа II, но с тем условием, чтобы он непременно отнял у шведов прежние земли польские. Желания, амбиции и выгоды соединили Августа II с Петром I. Король датский тоже «имел зуб» на Швецию за отнятие части его кровных земель и с большой охотой согласился быть союзником России и Польши против Швеции.

²⁴ Древнерусское название викингов – выходцев из Скандинавии, дружины которых в IX–X веках совершали походы в Восточную и Западную Европу с целью грабежа и торговли, а также служили в качестве наемных воинов на Руси и в Византии.

Меж тем Швецией правил в это время молодой, энергичный король – Карл XII. Имя сего легендарного короля было окутано воинской славой. Вся Европа рукоплескала шведскому штыку. Кумиром Карла был прославленный полководец античной Греции Александр Македонский. Во всей истории древней и новой он не находил никого выше Александра Великого и почитал за славу и честь во всем ему подражать. С такими намерениями, с храбростью, доходившей до геройства, с гордыней, близкою к гордыне македонского завоевателя, не удивительно, что Карл не только без страха узнал о собиравшемся против него союзе, но и обрадовался сему. Судьба послала ему прекрасный случай представить миру во второй раз героя македонского, и ответы его на требования союзников были столь дерзки, что казалось – не они, а он объявил им войну!

* * *

Вот в такое грозное, шаткое время, а все же решился обратиться у себя в имении известных на Москве людей отставной полковник граф Панчин. «Война войной, будь она проклята, ан жизнь продолжается, – взвинчивал он себя рюмкой и скреплял: – Покуда жив да в силах, надо успеть младшенькую, Марию в свет вывести, к мужнину плечу пристроить... Кто знает, как оно дальше станет. Сегодня жив, а завтра, быть может, край твой, Иван Евсеевич... Торопись, Панчин!

Кто рано встает, тому Бог дает...»

Вот и теперь он своим деятельным началом зажигал всех домашних и многочисленную прислугу в подготовке к новому званому обеду с дивертисментами. Почтенный Иван Евсеевич знал, что отнюдь не всем окружающим нравятся его нововведения, которыми он, вельможа старой формации, в угоду петровской моде наштиговывал свои празднества. «Но так время какое? – ворчал в усы старый граф и, повернув в сторону женской половины разгоряченно-багровое лицо, восклицал, уже не тая горклой досады: – Петровское! Ерничаете да смеетесь надо мной?! Мол, из ума выжил старик! Ду-уры! Кур-рицы! А вот погодите, плакать будете! Меня вспоминать станете, ан поздно – сдохну!»

И уж если в сей грозный час ему, не дай Бог, под руку попадалась супружница, графиня Евдокия Васильевна, первая противница его выкрутасов в духе «à la capitaine Peter²⁵», то на нее, несчастную, он спускал всех мыслимых собак.

Он будто ждал такого случая! Заложив большие пальцы рук за крученный шнур халата, растопырив седые брови, граф говорил натужно, бурля от волнения, всякий раз ища какие-то большие, сокрушающие доводы:

– Ежли б все по-старому было! Ежли б как прежде стояло! Вот крест, я бы... а-ах... не извивался б, как червь под лопатой... Но на поверку-то все не эдак! Глянь за окно! Не я, а

²⁵ Это простое имя «Питер» было любимой подписью Петра: оно встречается почти в каждом его письме.

вы портите мне кровь, неблагодарные! То не знаешь, язвить тебя... сколь голов уже полетело боярских, и каких! Сколь в опалу царскую фамилий брошено, не чета нашей! Только моим пупом и удалось славно замуж выдать Анютку, старшую... породниться с графом Шереметевым Борисом Петровичем... пусть и не по прямой линии, но оно того стоит! Так-то, цени, кукушка! А через тебя да сестриц твоих, упыриц, с их мужьями-вурдалаками... с их злобой да ядом – жди беды в дом! А потому не стой у меня на путях, Евдокия! Не быть по-твоему. Полковник Панчин ни татарам, ни туркам спуску не давал. Молчи, баба! Я вашему гнезду не потатчик. Ага, то-то и оно. Против воли государя идти – только лоб расшибать! Ну-к, иди сюда. – Граф низал глазами остолбеневшую жену и, остановив свой взгляд на ее выцветших губах, поманил пальцем.

– Что еще? – Побледневшая Евдокия Васильевна, мучительно улыбаясь, потупилась под взглядом мужа.

– Ну-к подойди, обезножела разве? – примиряюще порозовел морщинами граф. – Давай живенько. У тебя глаза, матушка, поострей будут... – Он держал наготове список приглашенных на первое июля, по случаю «открытия парка голландского жанра».

...Список был длинный, как вожжа, хотя и не такой бесконечный, как в прошлый раз; он состоял из шести десятков фамилий и по прочтении вслух супругой шел на окончательное утверждение главе дома.

– Давай же, не томи, огласи, душа моя... и забудем раз-
молвку. – Серебристая, как ковыль, бровь заученно припод-
нялась, что делало лицо графа более выразительным и сооб-
щало домашним: гнев сменен на милость.

...За высоким ореховым бюро, с гусиным пером в руке,
перед граненой чернильницей, графиня пробежала колон-
ки фамилий, выведенных мелким старосветским бисерком
супруга. Иван Евсеевич, человек дотошный, последователь-
ный во всех делах, держался строго алфавитного канона.

– Адлерберг Фридрих-Ганс, командир пехотного полка, с
супругою Марианной.

– Тэк-с, тэк-с, далее. Не томи!

– Алаповский Василий, боярский сын, с женой Иусти-
ной Матвеевной... Князь Андреевский, вдовец, с недорос-
лем своим Степаном... Камер-фурьер Бабкин Даниил Дмит-
рич, тоже вдовец... без отпрысков? – Жена искоса, с опаской
посмотрела на мужа. Тот раздраженно наморщил переноси-
цу, дрогнул усами:

– Значит, без отпрысков, коль не указано! Ишь, заноза!
Дале давай, не сбивай...

– Баранов Павел Тимофеевич, потомок онемеченного рус-
ского дворянского рода татарского происхождения, с супру-
гою Олимпиадой... А... это, Ваня?

– Да черт с ним... пусть будет, нынче обласкан государем,
вдруг что...

– Граф Бяратинский с женой... Веккерштейн... Ой, Ваня,

а тут тобой большой вопрос поставлен. Это как понимать? Кто он?

– А бес его знает, из новых кто-то... Но...

– Так вопрос твой зачем?

– «Зачем, зачем»! – Граф с бурным негодованием посмотрел в глаза жены и, поведя плечами, сплюнул перекипевший шлак слов: – Хрен его знает, душа моя! Да фамилия, помилуй Бог, уж больно неблагозвучная, жидовская, верно, ась? Век-кер-штейн. Хм, еще бы фон Веккерштейн – туда-сюда, мог бы за немца сойти... А так: не то заяц, не то рак... Беда...

– Так что же? – Евдокия Васильевна вкрадчиво, почти шепотом спросила: – Прочерк?

– Ай, вычеркни к дьяволу... Христопродавцев мне еще тут не хватало! Ан нет, вдруг да!.. – Он поднял указательный палец и крепко наморщил лоб. – Ну, Бог с ним. Я человек доступный... Пусть будет, поглядим, что за гусь...

– Да будет, Иван Евсеевич, лоб в гармошку собирать. Полно, ваше сиятельство. Список блестящий, как Бог свят: что ни стул, то княжеский, графский или баронский титул, что ни столовый прибор, то особы, приближенные к государю... Ох, высоко летаешь, Ваня, дажить оторопь берет. Знаешь...

– Что, пугает? – Граф пробежался по списку тяжелым, негнушимся взглядом.

– Ну, не скажу, что пугает, но настораживает... Как бы это... – Евдокия Васильевна поджала губы.

– Ой, хватит, Бог с тобой, рыбка моя. – Он клюнул ее твердыми губами в ровный, точно по нитке прочерченный пробор. – Ну-т, легче?

– Мне – да, а вот ты, Иван Евсеевич... ой, не стори в своих хлопотах...

Он притянул ее к себе, уперся в ее лоб своим и, сыро дохнув наливкой, спросил:

– Ты еще терпишь меня?

– А как ты думаешь?

– Любишь?

Она устало чмокнула его в губы, будто сказала: «Люби такого самодура... Змея Горыныча! Вечно как черт из табакерки! Ну, чего сорвался нынче с цепи?» И уже вслух продолжила:

– Ох, Иван Евсеич... сил моих больше нет. Устала я от тебя, от твоих затей, выпивки. Не могу больше видеть тебя такого мерзкого, жуткого, гадкого... Еще и сестер-богомолок моих приплел. Их уж второй год по твоей милости у нас нет. Ни их, ни мужей ихних...

– И сла-а-ава Богу, душа моя. Ты лучше обними меня... и молчи! – с упреком наставил он. – Потом можешь и говорить, погода, но теперь обними и помолчи. Я ведь... люблю тебя... Мало ль чего не брякнешь за рюмкой...

– Вот-вот...

– Цыть, да и не болтал я... убей, не помню. Темно в голове было. И не плачь. Избави меня Бог от твоих слез! Доведешь

ты меня до черты своими слезами, баба.

– А у самого что голос дрожит?

– Тьфу, шут бы тебя взял... благословенное семейство! Заплачешь тут с вами! Ну-т, будет тебе, не должна ты слезы лить, слышишь?

Она, обещая в дальнейшем, закивала головой, а он с мукой в душе крепче прижал ее к своей груди, пытаясь тщательно взвешивать каждое новое слово, но на сердце было по-прежнему горько и беспокойно. Все получалось шиворот-навыворот... все летело куда-то под откос... И виною всему он был сам: его кураж, его неистребимое желание докричаться миру: «Каков я есть молодец!» и его тяжелая любовь к рюмке.

– Ну-т, будет, будет... Ишь, настроила тут «вавилонны». Вам, бабам, только дай волю! Всю Россию слезьми залъете.

– Ваня?! – Она, обиженно вытирая слезы, как-то странно, с мольбой смотрела на него, а он, боясь сего взора, бубнил в усы:

– Что «Ваня»? Вот именно... Не сметь! Не сметь!

– Вот именно! – Она вырвалась из его рук, по-прежнему напряженная, но уже без слез в голосе, и перевела тему: – О Машеньке нашей, младшенькой, думать надо. Гриша-то Лунев будет? Она ж с прошлого году, с Сочельника²⁶ в нем души не чает!

– Да и он, как Бог свят, равнодушен к нашей стрекозе.

²⁶ Канун Рождества.

Что ни месяц эпистола²⁷.

– Так будет? – Графиня напряглась плечами.

– Будет, будет! А то! – Он сжал перед грудью кулаки и, сверкая хмельным взором, добавил: – И Ягужинский Павел Иванович будет, и Трубецкой, и Нарышкин, и Зотов. Никто не позабыт. Я ж у тебя кто?.. О-о, в яблочко! А старый конь борозды не испортит, вестимо. Давай, давай, голубка моя, читай. Спаси и помилуй, Господи, нас, грешных. Эх, кабы все не напрасно!

Панчин намеренно твердо, крепкими, отчетливыми шагами подошел к заставе икон и трижды с поклоном осенился крестом.

– Ваня, да что с тобой? – охнула Евдокия Васильевна. – Ты пугаешь меня!

– Напугаешься тут. – Граф набрал полную грудь воздуха и, отдуваясь, как человек, который долго пробыл под водой, выдал: – Думаешь, у меня сердце кровью не обливается? Думаешь, я железный, трехжильный?

Евдокия Васильевна вздрогнула, замерла. Она стала белой: лицо, волосы, руки, словно снежную статую обрядили в чепец и платье с оборками. Медленно, как во сне, она отложила список.

– Ну что ты смотришь на меня, как коза на репу? Отечество в опасности! Война!

– Как? Опять?! – Перо выпало из ее сухих дрожащих паль-

²⁷ Письмо, послание (лат.).

цев. – Так ведь с турками мир заключен. Иль опять ущерб луны нам грозится?

– Хуже, матушка. Премного хуже! Швед – пес цепной – клыки своей своры оскалил. Нынче схватился с союзными нашими: первым силу Карла испытал король датский.

– Ну, и?.. – мелко закрестилась графиня.

– Нет больше датского войска! Как крысы с корабля, бежали оне от шведских штыков.

– Ах, батюшки светы!..

– Сраженье под самой столицей ихней, Копенгагеном, было. Теперь уж Дания друг и помощник шведу... и не иначе. Ныне Карла их с теми же гордыми мыслями вознамерился переплыть Балтийское море и выйти на берег Лифляндии.

– Спаси Господи! И вышел?

– Кто?

– Ну, Карла ихний? – Она, слабея ногами, оперлась на бюро.

– То-то и оно, что вышел, матушка! Так вот одно его приближение, сказывают, заставило ляхов дерзких и чванливых саксонцев оставить начатую осаду Риги!

– И что ж теперь?

– А теперь черт знает, душа моя. – Полковник выдержал паузу. Решительно налил себе рюмку, залпом осушил ее и, сырея взором, твердо сказал: – Из достоверных уст стало ясно: уверенный в безопасности Риги, Карл намерен идти к Нарве, потому как там, по уговору с союзниками, стоят наши

главные русские силы. Без малого сорок тысяч штыков, матушка. То-то будет баталия! Жаль, что в рядах их недостает двух знаменитейших воинов, с которыми я имел честь быть знакомым: Лефорта и Гордона... Ну, так ты знаешь, государь оплакал их смерть еще год назад. Начальником войска отныне поставлен фельдмаршал Головин и генералы: герцог Делакруа, Бутурлин, Вейде, достославный наш Шереметев и князь Долгорукий. Так что все, матушка, в руках Господа... Будем молиться. Швед – это тебе не шуры-муры... Не турка с янычарами... Это, голуба, жутко подумать! У короля их Карлы, будь он трижды неладен, – лучшая армия в мире и лучший в Европе флот... Ей-ей, второй после Англии будет, скажи на милость!

Иван Евсеевич по своей неугомонной натуре хотел еще круче озаботить подробностями войны свою благоверную, но она вдруг охнула тихо и так же тихо сползла спиной по ореховой переборке бюро.

– Доня-а! Любушка моя! – Граф метнулся к жене; на красном лице его дергалась виноватая улыбка; выпрашивая глазами прощение, он упал на колени, припал к теплой, мягкой, родной груди. Сердце супружницы билось, но так тихо и так далеко, что Иван Евсеевич испугался. Вся жизнь его в этот момент ушла в слух. «Жива, жива, жива! – несказанно жадно прислушиваясь, итожил он. – Ежли подыметя, – черкнуло огнивом в голове, – как перед Богом клянусь, брошу пить». И уж вслух, громко, на ухо: – Доня! Дружок мой! Евдокия!

...Ветер в открытое окно приносил сухой запах сена, пропахший донником с примесью клевера; из-под застрехи крыши звонко, журчливо летел воробьиный щебет.

– Оси-ип! Черт тебя носит! Графине дурно! Соли! Нюхательные соли неси! Уксус со льдом! И пиявок!

* * *

– Все, слава святым угодникам, обошлось, ваше сиятельство, в лучшем виде! – спустя четверть часа доложил графу запыхавшийся дворецкий. – Помрачение у матушки иссякло...

– Обморок, дурак!

– Так точно-с, обморок. Ни уксус, ни пиявки в ход не пошли-с! Лекарь Агапыч хотел было кровушку пустить, ну-с, стал быть, для облегчения общего самочувствию... лому-ту, давлению у висков убрать. Я уж с Анфиской – женой Лукашки, кучера вашего... таз справил... Но как только-с лекарь-то наш бедовый... сунулся было с ножичком своим вострым, стал быть, к ее белой, с голубыми кровьями, графской рученьке... ан барыня ать-хватъ его по руке ногтями в кровь, да как вытараш-шит глаза-лупошки, да гаркнет на Агапыча! «Пш-шол вон, упырь непутевый!» Так тут, сами понимаете-с, ваше сиятельство, мы... про все пиявки и уксусы враз забыли-с! Радость-то какая! Матушка на ноженьки сама поднялась... как будто и не было лихоманки-то.

– Обморока, дурак.

– Так точно-с, обморока.

– Где ж она теперь? – Граф, заложив руки за спину, промял ноги вдоль окон своего кабинета.

– На своей половине, государь мой. Отдыхать изволят-с.

– Вот и славно, Осип. Бог справедлив, Бог милостив. Благодарю за службу. Ступай в лакейскую и наведи ревизию в их гардеробе... Чулки, ливреи, парики... Чтоб, значит, галуны на месте, пугови, крючки, всё чин по чину... И чтобы ни одной морщинки!

...Осип исчез, а граф Панчин, переведя дух, налил «с горкой» рюмку: «Грех не выпить за здравие благоверной. Спаси Господи, живи сполна». И, крякнув в кулак, сделал вывод: «С бабами о войне – ни слова!», после чего приготовления к съезду гостей взвились с новой силой. Бугаевские артельщики еще дважды приезжали на трех подводах с Москвы; в имение Панчиных свозились горы всякой всячины. По черным лестницам тащились вереницею ящики с винами. Вся прислуга и двенадцать лакеев едва успевали справляться с поставленными задачами... А тут уж незаметно подкрался и канун торжества – 1 июля 1700 года.

...Уставший, но счастливый, граф Панчин в последний раз обходил свои пенаты; оглядывал хозяйским ревнивым оком убранные белыми скатертями столы, на которых торжественно и благородно мерцало в ожидании гостей разложенное столовое серебро и шестилапые шандалы. Сотни, тыся-

чи свечей по всему особняку, стройные и белые, как небесные стрелы ангелов, ждали своего часа, чтобы по мановению руки вспыхнуть во всей красе и засверкать в ледовых, прозрачных гранях богемского хрустала.

Иван Евсеевич, любуясь на две огромные люстры своей залы, даже смежил на миг глаза, представив, как волшебным образом преломятся шафраново-оранжевые язычки пламени в тонко вызванивающем хрустале; как чарующе вспыхнут невидимые доселе гравировки, бритвенные грани резьбы, шлифовка... и как озарится особым блеском и многоцветной алмазной игрой света гостевая зала: наборный пакет, пышная лепнина и алый бархат портьер; и как чудно отразятся и многократно увеличатся эти огни в нарядных зеркалах и надраенной до солнечного сияния бронзе.

– Ах, черт побери, благословенное семейство! Помпезно, вычурно? Но каково?! Кто может перед этой красотой и блеском устоять? Пусть разыграют небеса! Панчины гуляют! Однако я дьявольски устал! – Граф сверкнул лакированной тростью-подружкой и ловко, в два крутка, отвинтил набалдашник из слоновой кости. Настороженно зыркнул из-под бровей, не дозорит ли за ним «соколиный глаз» благоверной, и... бульк-бульк-бульк – налил из трости с серебряной сердцевинкой в перевернутый набалдашник-рюмку любезной жженки. – Э-эх, хороша, зараза! То ли еще завтра будет! Нет, други, пора мне нынче на покой... Устал, как бес. Все последних три дня – сплошной кошмар! Ни сна, ни покоя. Ту-

да скачи, сюда лети! Одним духом и жив. Еще наши дороги, язвить их в душу... будь оне прокляты! Все кишки вытрясло. Нет, нет, дай себе отдых, Ваня. Все завтра, все потом.

...Костяной шар занял свой сторожевой пост, и «волшебная» трость графа продолжила свой мерный постук по глянцевой глади паркета.

* * *

Наступил долгожданный день! Все были на взводе, в знобюще-радостном ожидании начала торжества. Хозяева и прислуга сияли парадной одеждой; по настоянию графа навстречу гостям, на перекресток большака, был послан гонец – ладный дворовый молодец Егорша Редькин. Чистый лицом, смазливый и статный, в красной атласной рубашке, овчинной безрукавке, в черных козловых сапожках, он славно смотрелся в седле и был на загляденье хорош!

...Покуда ждали желанной вести, Иван Евсеевич, стоя у мраморных львов на ступенях, куда подъезжали экипажи, в девятый раз пытал дворецкого:

– Заедки высший сорт, глаголешь?

– Не иначе, ваше сиятельство, сами прежде изволили трижды видеть.

– Тэк-с, тэк-с... Из рыбного реестра-то что у нас, Осип?

– Икорка свежая, язык проглотишь... и черная, и красная, батюшка, в избытке, не извольте сердце рвать. И семужка, и

балык, и стерлядь-блядь...

– Что, что? – насторожился граф и грозно поворотил очами.

– И горячее, и холодное, говорю – все на «ять»! – вывернулся дворецкий и стряхнул с господского плеча невидимую соринку.

– Так-то оно так, Осип, – потирая сухие горячие руки, не в силах расслабиться от внутреннего «мандража», процедил сквозь зубы граф Панчин. – Да все уж это больно знакомо...

– Как-с?

– Избито, говорю, дурак. Вот кабы что-то этакое еще поспеть сделать... неординарное...

– Так разве таргалетки приказатьстряпухам делать, ваше сиятельство?

– Что, что?! – Иван Евсеевич нахмурился.

– Это, государь вы мой, черный солдатский хлеб ромбиком, прожаренный на утином жиру и с выдолбкой...

– С такой такой «выдолбкой»? Ты что ж, смеяться вздумал, сукин сын?

– Помилуй Бог, как можно-с? – Краснея верхом скул, дворецкий склонил в почтении голову.

– Ну-т, и?

– Так вот-с, в этих выдолбках, лунках то бишь, – мозги из костей запеченные.

– Хм, пожалуй. – Чисто выбритая щека графа зарумянилась сверху донизу. – Однако солдатский хлеб... мозги... сие

не грубо?..

Осип пожал поникшими плечами, но свое суждение во-
ткнул:

– Вы ж сами, как-то, батюшка, о сем твердили, мол, у его
сиятельства графа Ягужинского такую закуску подают... и все
довольны, и ничего-с... Дажить заграничные посланники, и
те как будто одобряли-с.

– А что, пусть будут. Вот только чьи мозги?

– Свины́, говяжьи, не беда бараньи сделать... Вы-ть только
намекните, барин.

– Да не о том я. Как назвать!.. – Старый граф куснул жел-
тыми зубами нижнюю губу. Осип приметил, как над седой
бровью господина трепетал, трогая веко, живчик.

– А что как ежли шведские? – не спуская глаз с Панчина,
подбросил идею дворецкий.

– «Шведские»? А вот это в яблочко! Благословенное се-
мейство... – радостно откликнулся граф. – Именно «швед-
ские»! А что? Тарталетки ратные, со «шведскими мозга-
ми»! – Старик дважды стукнул концом трости о гранит. –
Звучит, язвить их в душу!.. Молодца, Осип, верю, можешь,
когда захочешь, чертяка. А ну, жги к поварским, пусть нам
справят эту затею!

* * *

...Увы, ни валдайских колокольцев, ни поддужных бубен-

цов запряжных, которых столь ждали в доме Панчиных, так и не услышали; радость торжества не улыбнулась графскому дому. Лакированных экипажей с гербами высоких гостей, которым были аж за две недели разосланы приглашения и кому надлежало с бокалами шампанского чествовать открытие «парка в голландском жанре»... так и не дождались.

Через два часа с Гороховского большака вернулся стремной Егорша Редькин. На белых ступенях господского особняка огненным пятном мелькнула его атласная рубаха.

– Как ести все глаза проглядел, батюшка!.. Ни птаха, ни мыша мимо не прошмыгнули, гы-гы-ы! – сам того не сознавая, с глупой радостью бойко доложил он. На ясном лице его застыла туго натянутая улыбка.

– Сгинь, окаянный! Дур-рак! – Трость графа проводила на двор огорошенного Егоршу.

Глава 3

Граф Панчин еще полчаса ходил сам не свой по боковой аллее своего детища – парка. Его крепкую, чуть сгорбленную фигуру, облаченную в белый камзол²⁸ и петровский темно-зеленый, с высоким алым воротником-стойкой кафтан²⁹ с золотыми петлицами, домашние в последний раз наблюдали между парадных колонн... Все замерли в ожидании грозы... Челядь забилась по своим щелям и норам – старик был не в духе, а лютый норов его прислуга знала не понаслышке... Страх и трепет воцарился в огромном доме Панчиных. Нарядный и торжественный, как боевой фрегат, готовый во всеоружии ко встрече гостей, он будто померк яркими очами-окнами, «провис парусами» и окутался мрачным гнетущим сумраком, словно в доме находился мертвец, и его трупный васильковый запах уже сочился и тек из дальних комнат...

...Бедная графиня Евдокия Васильевна не находила себе места. Отмахнулась от прислуги, как от жужжащих мух. Тревога и страх, переходящие то в жалость, то в гнев, терзали ее, изводили на нет. Уж кто-кто, а она лучше всех знала характер супруга. Оставаясь до срока почтенным и сдержан-

²⁸ Старинная короткая мужская одежда, обычно без рукавов, впоследствии замененная жилетом (*фр.*).

²⁹ Старинная мужская долгополая верхняя одежда (*перс.*).

ным с виду, внутри он становился иным; разум и сердце его уже плавилось на огне отчаянья, которое грозило перейти в дикость и косматое буйство – в тяжелый, черный запой.

«Будь проклята эта затея с чертовым парком... Век бы его не видеть! К бесу званых выпивох!.. Вот не приехали... им-то какая печаль? Господи, прости и помилуй... Гляди-ка, гости не объявились! А для нас – потоп! Мир рухнул! Мой-то Ванюша! Ведь ежли для обычного, толстокожего... что укол булавкой, да чего там – комариный укус, тьфу... то для нашего Ивана Евсеича – сие удар в сердце кинжалом!»

... Она видела, как ее супруг, мрачно минуя гостевую залу, потерянно направился в свой кабинет; он шел неестественно прямо, точно кол проглотил, не шевеля прижатые к бедрам руками, и жизни ему придавали лишь подрагивающие на плечах и лопатках лоснящиеся локоны золотисто-каштанового парика да резко контрастирующие с темным травяным кафтаном матово-молочные чулки...

– Ванечка!.. Иван Евсеич... – Графиня закрыла платком рот, когда тяжелая, в бронзовом окладе дверь кабинета с негодующим грохотом захлопнулась перед нею.

Лязгнув зубами от внезапно охватившей ее дрожи, Панчина явственно, до мелочей представила, что он весь день и ночь безвылазно просидит за дубовым столом в обнимку с графином, свесив на руки голову, тяжело и горько вздыхая. И уж перед рассветом, в темном, злобном хмелю, забывшись сном, упрется в стол своим массивным широким лбом,

чуть погодя опрокинув бумаги, гусиные перья, чернильницу, пресс-папье и все прочее, что с грохотом рухнет на пол...

* * *

– Ваня! – Дробный стук. – Ваня! Иван Евсеич! Полно пугать... Открой, слышишь? Немедля открой! Или я прикажу звать Федора-плотника!

...Он не сразу откликнулся на сдержанный, осторожный стук. И уж потом, когда жена, не владея собой, взялась колотить кулаками яростно и долго, он медленно и неловко, как тяжело больной, давно не встававший с постели, поднялся из-за стола, отставив в сторону тяжелый графин.

– Ну-т, чего? Что за пожар? – Он стоял в дверях, со съевшим набок буклястым париком, не пропуская ее в кабинет, и от сырых, красных губ его крепко разило водкой.

– Господи, ну на кого ты похож? Что ты с собой и со мной делаешь, изверг?

– С тобой ничего. – Панчин попытался закрыть силой открытую дверь, но она отважно втиснула в проем свою маленькую туфлю с золотенькой пряжкой.

– Святая Троица, да ты никак уже «плюхнул»? Залил за ворот с утра пораньше? – Перед ним мелькнуло удлиненное отчаяньем лицо Евдокии Васильевны. – Чудеса-а, да и только!

– Мы без этого не можем. Ступай, баба.

– Так ты надрался? – Она вновь попыталась протиснуться, заглядывая ему в глаза.

– То тайна за семью печатями. Тебе знать незачем!

– И...

– И маять меня посему – тем паче. Имею пр-раво! – Он с невыразимой тоской бегло оглядел бледное лицо жены и цвиркнул с досадой. – Да уж, не помолодела. Сгинь! Прибью, муха!

Но Евдокия Васильевна – волю в горсть – и на сей раз решила не спускать мужу.

– А н-ну! Пр-ропусти, дьявол!

Она и сама не поняла, как оказалась в его объятиях; жесткие, как проволочная щетка, усы царапнули щеку.

– Ваня! – В голосе был страх и что-то беспомощное, детское. словно так огромно было несчастье, что уже невозможно ничего поправить и глупо драпироваться гордостью и скользкими, лукавыми словами, за которыми люди обычно скрывают истинные чувства.

В молчаньи они прошли к столу; он, потупив взор, стянул с головы парик, утер им взятый испариной лоб; она присела рядом на софу и измученно посмотрела ему в лицо: портьеры были наполовину задернуты, и в сумраке оно казалось бледным, с отливом олова, как у покойника, неподвижным. Светлые, с песчаной зеленцой глаза с подозрительной раздраженной усталостью косились на нее, словно говоря: «Ну чего тебе от меня надо? Оставьте вы все меня в покое! Все

прахом пошло. Деньжищи-то какие коту под хвост брошены!»

– Ну зачем ты так изводишь себя? Еще не вечер, вдруг да кто навернется?

– Кто-о?! – Он злобно усмехнулся и повернул от нее нос.

– Кто, кто? Гости твои, вестимо...

– А-ай, будет! – Граф сцепил зубы, прицелившись взглядом на недопитую рюмку, как кот на мышь, и цап ее, ан поздно – жена оказалась проворней. – Евдокия-а! – Панчин поднял было голос, но потом потерянно махнул рукой. – Может, ты и права, Доня... Уноси отраву... Всех денег не заслужить, всю водку не выпить. Одно мне ясно, где собака зарыта! Тс-с! – Он бросил палец к губам. – Тут дело государственное, коли никто не явился. Не нам – Богу судить деяние царей! Но мне-то, матушка, от сего не легче...

– А-а-а! – длительным стоном отозвалась давно увядшая грудь графини; в темных кротких глазах замерцал страх. – Типун тебе на язык... Ты думаешь?..

– А тут и думать ни черта! – передернул плечами граф. – Ежу понятно – грянуло, стало быть! Ничего, скоро и до нашего затвора... горевестнички долетят... Жаль вот только, уж не держать моей руке сабли. Ладно, ступай, матушка. Отдохни, не печалься. Прилягу я, Доня... тошно мне. Может, Бог даст, усну.

...Она безмолвно повиновалась; оглядчиво прихватила тяжелый графин и, трижды перекрестив в изголовье, хотела

уходить, когда цокающий, заполошный стук каблучков разбил «мертвое царство» дома Панчиных. Двустворчатые двери шумно распахнулись по сторонам, и в кабинет влетела в розовом платье с белым поясом, в облачке словно глазированных, скачущих вверх-вниз черных кудряшек – Машенька. В прелестных, ярких, как звезды, глазах и во всем ее миллом юном существе светилась неприкрытая, правдивая радость. На миг растерявшись от тишины и унылого безобразия, она замерла на пороге, точно ждала, когда рассосется эта синяя полутьма.

– А тебе чего, стрекоза?! – теряя терпение, с накапливающим гневом спросил граф. – Какого беса без стука? Эт-то что за пляски с бубном?! Али мне розги забытые взять?

– Батюшка! Маменька! – Она, казалось, не слышала угроз; не чувствуя своего тела, подпрыгнула на одной ножке и звонко хлопнула в ладоши: – Григорий Алексеич Лунев прибыли!

– Что-о?! – Старый граф по-молодецки соскочил с промятой софы, схватился за брошенный на столе парик; маменька, по настоянию супруга затянутая в пюсовое платье, с алмазной фероньеркой³⁰ на пудреном лбу, с открытыми дряблыми плечами, испуганно и высоко вздохнула грудью и, не выпуская «трофей» из рук, радостно охнула:

– Бог милостив! Ваня, счастье-то какое!

...За спинами собравшихся послышались быстрые, чет-

³⁰ Украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб (*фр.*).

кие шаги. Панчины обернулись: в дверях, с треуголкой у груди, при офицерской шпаге, стоял загорелый лицом капитан петровского флота Григорий Лунев.

* * *

...Когда радостная заполошная суэта-кутерьма с «целовками», охами-вздохами и объятиями поутихла, старый граф, преисполненный хозяйского долга, враз взял бразды правления в свои руки; подхватил всех своим зычным призывом и властно, подобно морской волне, увлек за собою к столу.

На пути его, как подножка, подвернулся дворецкий. Сияющий, что медный алтын, он уверенно нес навстречу твердыми шагами свое крупное, раскормленное тело.

– Так как же-с насчет тарталеток с выдолбкой, ваше сиятельство? С мозгами «шведскими» ромбиком? – насыпался Осип.

Данный вопрос, еще с утра понятный, злободневный, теперь, как дробь в дичи, попавшая на зуб, взбесил Ивана Евсеевича.

– Какие к черту «ромбики»? Какие к дьяволу «мозги»? У тебя-то, остолопа, оне есть? Отстань от меня со своей хренью! Не видишь, гость у нас дорогой! Жених Машуткин... Сгинь, варвар!

Квадратные каблуки графа гневно стучали вдогон ушедшим, а в спину ему полетело обиженное:

– Сие будет воля ваша... Но больше не ждите «эврик» от Осипа. Ишь ведь... скажет тоже... хрыч: «Осип, черт тебя носит! Совсем заматерел в болванстве своем? Гляди, каналья, переведу в конюхи!» Ну, ну, свежо преданье... То ты не знаешь, старый перец, что без Осипа тебе ни туды и ни сюды!

* * *

...Странно и неуютно, как будто голо было находиться за огромным многосаженным столом, на котором искрились сотни хрустальных фужеров и рюмок; подобно слюдяной плотве, сверкало уложенное густыми ровными рядами серебро приборов и прочих, прочих столовых «надобностей» для приема самого блестящего общества...

Но все встало на свои места, когда капитан Лунев, с непокрытой головой, с серьезной строгостью в лице, без лишних слов сообщил Панчиным:

– Крепитесь, Иван Евсеевич... и вы, милейшая Евдокия Васильевна. Час испытаний для Отечества пробил. Война со Швецией началась. Союзники наши разбиты. Карл Двенадцатый рвется к Нарве. В Москве переполох.

– Святые угодники! – Графиня испуганно вскинула к своей оголенной белой шее руку в перстнях, будто ей было холодно. Ее и в самом деле знобило от услышанного.

Граф тоже подавленно молчал. Похоже, он не узнавал своей праздничной залы. Словно все стало чужим, подменен-

ным. Хотя все было как всегда и на своем месте. Он даже не узнал Евдокии Васильевны, как-то враз съежившейся, уменьшившейся в своем бордовом пюсовом платье.

– Господи, Гришенька, э... это... правда? – Супруга Паничина вся была растерянная, жалкая.

– Увы, ваше сиятельство. – Григорий, испытывая неловкость, ответил вежливым, корректным кивком, обратив внимание, что градус всеобщего веселья упал до критической отметки.

– Но... но... что же теперь будет... со всеми нами? – Евдокия Васильевна взглянула на мужа.

– Что будет?! – вдруг по-гвардейски рыкнул граф. – С вами лично, курицы, ничего! Как кудахтали на своем насесте, так и будете! – Он обжег взглядом притихших дочь и супругу. – А вот там, под Нарво-ой... будет и кровь, и дым с огнем, и смерть со славой! Там будет решаться судьба России! За победу! За Его Величество! Чтобы земля горела под ногами супостатов там, где появляется победный русский штык!

Фужеры звонко соединились в хрустальный звонкий букет. Выпили, закусили: дамы – шампанское миндалем в шоколаде, мужчины – жженку черной икрой.

...Григорий не спускал влюбленных глаз с очаровательной шестнадцатилетней Машеньки, с которой был помолвлен еще ребенком, при жизни его родителя, полуполковника Алексея Тимофеевича, геройски погибшего при взятии Азова.

Машенька-чудесница, которую он боготворил, была младше на шесть лет – и отвечала ему взаимностью. С его приездом в имение Панчиных ее прелестная, ласковая, светлая улыбка ни разу не угасла: ни на алых губах, ни в серых, с серебристой дымкой глазах.

Их часто, мельком соединяющиеся взгляды говорили сами за себя. Оба ужасно хотели веселья, музыки, танцев и... поцелуев. Но по сложившимся обстоятельствам и первое, и второе, и третье было кощунственным и невозможным. Оставалось уповать на последнее, когда им дозволят побыть одним...

Но и без всего этого их сердца переполнял нежный, трогательный трепет. И как случается, что вслед за одним глотком шампанского следуют еще, еще и еще... так и в их душах – обоюдная любовь с каждым пойманным взглядом освобождала всю сокрытую в молодых сердцах способность любить и быть любимыми.

...Между тем Иван Евсеевич сел на своего «конька» и, наливая новые «флюшки» жженки, потчует самого дорогого, долгожданного гостя, себя и домашних изысканнейшими яствами, продолжал ратно греметь листовой медью:

– Григорий Алексеич, капитан Лунев! Да-амы... гм, гм, позвольте старику-ветерану следующий тост? – И, дождавшись благодушного, разрешающего кивка благоверной, что исподволь стерегла его краем глаза, уже маршево и широко обращался к своей боевой смене: – Гриша, как на духу... Ты

мне и сын и, что таить, будущий зять... Верно, стрекоза? Ну-т, то-то! Словом, родной человек. Был бы жив твой отец, он бы лучше других порадовался за сына-орла, который завтра, слышите вы?! – уже завтра отправляется по долгу службы бить шаутбентахтскую сволочь! А я-с, смею заметить, твоего героя-отца знавал ого-го-о как! Азов – это вам... не бирюльки, не карамель с петушками!.. Так-с вот. – Граф вновь коршуном навис над Григорием. Их глаза твердо и зорко встретились. – Так вот, капитан Лунев, – через торжественную паузу продолжил граф Панчин. – Хочу пожелать тебе истинной русской славы!.. Хочу, чтоб слава сия была заслуженной и не меньше, чем слава твоего родителя – героя Азовского похода!.. Ты – надежда своей и моей фамилии! Мне-то... матушка Евдокия Васильевна, королева моя, только, pardon, баб-с подарила...

– Ну вот, опять! Ваня-а!

– Цыть! Ну да ладно!.. – Он погрозил пальцем супруге и перевел взор на Григория. – Ты, капитан Лунев, надёжа и нашей младшенькой и любимой Машутки! Ты, без сомнения, надёжа и нашего государя! На таких, как ты, и опирается наша держава! Цыть, не спорь, капитан, со старшим по чину! Убежден, твоя шпага верой и правдой послужит Отечеству! И знай, родной, что бы ни случилось в твоей судьбе, я и моя «свита», – он браво подмигнул своим дамам, – мы – рядом! А это, чтоб ты крепче помнил глагол мой, – прими подарок!

Граф нежданно извлек из высокого алого обшлага кафта-

на старое, отполированное временем огниво.

– Вот, братец... Оно не раз выручало и согревало нас в походах с твоим отцом Алексеем Тимофеичем... Надеюсь, согреет и тебя: и в час лютый, и в минуту твоей виктории! Бери и помни! Владей.

Лунев с благодарностью принял огниво – не понарошку, не в сказке прошедшее огонь, воду и медные трубы. Он держал его на крепкой ладони, внимательно вглядывался в него – простое, избитое, но верное и памятное: кусок стали в засаленном кожаном чехле, служащий для высекания огня и кремня.

...И снова они вкушали гастрономические изыски хлебосольного Ивана Евсеевича; пили за скорое счастье молодых и вновь за царя-батюшку и за победу русского оружия. И вновь молодые, сидевшие друг напротив друга, обменивались влюбленными взглядами на радость себе и чете стариков.

Григорий был от природы веселый и бойкий; жил просто, широко и светло, как это свойственно молодости: любил кутнуть с друзьями, если то позволяли государева служба и средства. Последнее, впрочем, в дворянском поместье Луневых переводу не знало. Григорий по всем статьям был завидный жених: красавец, которому отец оставил в наследство крепкое имение. Но сейчас кровь капитана будоражило не вино. Счастье, радость и без того переполняли его. Глядя на Машеньку, еще более похорошевшую в сиянии свечей, он

не мог удержать влюбленной улыбки. На ее упругой розовеющей щечке дрожала не то от смущения, не то от нетерпения неугомонная милая ямочка.

Он перевел взгляд на ее руки: белые, с маленькими, но сильными пальчиками, которые были расцвечены двумя яркими перстеньками: красным и синим. Ее изящное декольте украшала стиснутая корсажем кружевного лифа полуобнаженная высокая девичья грудь, в волнующую теснину которой сбегала на золотой цепочке прозрачная многоцветная алмазная капелька, которая, казалось, в теплом свете янтарных свечей вот-вот должна была высохнуть, не оставив на коже и влажного следа.

Григорий встретился с ней глазами. Бесхитростный взгляд серых с серебристой дымкой глаз говорил: «Ах, Боже мой!.. Когда кончится эта пытка и плен? Когда же оставят нас одних? Ты как?!» – «Я, как и ты, сам задыхаюсь, – ответил сочувствующей улыбкой Лунев. – Ан плетью обуха... сама знаешь... Этикет есть этикет».

...Между тем сам граф, изрядно захмелевший и чувствующий, что теряет свою власть и право на внимание молодых, пошел в последнюю атаку:

– Ну-т, любезный Григорий Алексеич, – он по-отечески хлопал капитана по крепкому плечу, – вижу, подтомились вы от нас с матушкой Евдокией Васильевной... Не спорь, не спорь... вижу, не слепой, и то понятно... И невеста у места, и жених молодец... Эх, молодость! Но прежде чем волю вам

дати, еще удели мне, родимый, чуток времечка. Как Бог свят, успеете намиловаться да нашушукаться... Эй, тетери-етери, а ну-к, дайте мужам остаться одним...

– Ваня-а!

– Евдокия!! Не шали... Я ведь тебе не фетюк³¹ какой в панталонах, не рохля в парике... Я гвардии отставной полковник войска петровского, гер-рой Азова Панчин! А вы, фефёлы-курицы, ать-два на свежий воздух, охолонитесь от выпитого, утряситесь от заедков. Надоели вы тут! Не к месту! И не лимоньтесь, павы! Н-но-о, поехали, благословенное семейство!

³¹ Размазня, простофиля (*устар.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.